

Эмирова А. М.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ.

Вторым компонентом сопоставительного анализа в данной работе является крымскотатарский язык – один из тюркских языков, которые локализируются преимущественно в азиатских регионах. Исторически же ареалом формирования крымскотатарского языка был юг Европы, прежде всего – Крымский полуостров.

В 1944 году, как известно, крымские татары были депортированы из Крыма. Почти полувековая дискриминационная политика, которая проводилась советским тоталитарным режимом по отношению к крымским татарам, нанесла огромный вред их языку. Прежде всего это сказалось на социальном статусе языка; насильственно, актом депортации, были отсечены все его социальные функции, кроме одной: в условиях ссылки крымскотатарский язык использовался лишь как средство общения в семье – в форме старых говоров и наречий. Такой ущербный статус языка имел отрицательные последствия по двум направлениям: 1) произошли серьезные разрушения во всей системе языка, особенно заметные на уровнях лексики, фразеологии и синтаксиса; 2) перестало развиваться крымскотатарское языкознание в связи с тем, что был наложен запрет на научное изучение и описание языка.

Сегодня, в условиях репатриации, когда сняты запреты на изучение и преподавание крымскотатарского языка, приходится с горечью констатировать, что он исследован весьма фрагментарно. Имеющиеся работы посвящены частным проблемам (см.: Меметов А.М., Акмоллаев Э.С., Изидинова С.Р.), иные стали библиографической редкостью (см.: Самойлович А.Н., Ислямов А.И., Куртмоллаев Э.А.) или недоступны читателю по причине графического оформления (см.: Чобанзаде Б.В., Крымский А.Е.). Ждут своего исследования – с применением современного концептуально-терминологического аппарата – такие участки языковой системы, как звуковой (фонемный) состав, грамматический строй, лексика, фразеология и др., в синхронии и диахронии. Фразеология крымскотатарского языка до сих пор не была объектом научного анализа, в том числе и в сопоставительном плане.

Контрастивному анализу в данной работе подвергается одна группа фразем – фразеологические единицы с компонентом *голова* – *баши* в русском и крымскотатарском языках (около ста единиц в каждом языке). Такие группы, как известно, называются фразеологическими гнездами. Фразеологическое гнездо представляет собой частный случай системных парадигматических отношений на уровне фразеологии. С ним переплетаются и взаимодействуют такие системные явления, как полисемия, синонимия, антонимия, гиперо-гипонимия, семантические поля и др.

В работах автора, посвященных проблемам фразеологической семантики, в том числе и анализу семантического пространства русской фразеологии в идеографическом аспекте (Эмирова А.М. 1972, 1978, 1984, 1986, 1988 и др.), рассмотрены такие системные явления, как фразеологическая синонимия, антонимия, омонимия, фразеосемантические поля эмоциональной и когнитивной деятельности человека и др. Анализ показал, что фразеологическая семантика носит избирательный – антропоцентрический – характер: фразеология покрывает те участки действительности, которые непосредственно связаны с человеком, с его видением, оценкой мира, с характеристикой психических особенностей личности – познавательных процессов, эмоционально-волевой стороны деятельности, индивидуально-типологических свойств личности (характер, темперамент, способности) и т.п.

Настоящее исследование представляет собой двусторонний анализ явлений двух языков в их соположении на контрастивной основе (см.: Штернеманн Р. и др., с. 144). Языковые факты рассматриваются в направлении от формы к содержанию (семасиологический подход). Основное внимание при этом уделяется содержанию языковых единиц; остальные их параметры – форма, дистрибуция – привлекаются к анализу лишь в том случае, если они релевантны содержательно.

Цель настоящего исследования – сопоставительный анализ одной группы соматической фразеологии русского и крымскотатарского языков, ориентированный на выявление универсального и специфического в их содержании (характерные семантические поля, корреляция общего фразеологического значения со значением стержневого компонента, типы переноса, лежащие в основе фразеологического значения, и др.).

Сопоставительный анализ проведен по следующим направлениям:

I. Идеографическая стратификация. Распределение фразем с компонентами *голова* и *баши* по понятийным полям в сопоставляемых языках не совпадает в количественном (наполняемость полей) и качественном (частотность полей и их структурация) отношениях. Во фразеологическом материале русского языка выделены следующие фразеологические поля: познавательные процессы личности (52 единицы), в том числе мышление – 44 единицы (*перебирать в голове, ломать голову* над ч.-л., *приходить в голову, каша в голове* у к.-л., *голова соломой набита*), память – 8 (*дырявая голова, вертеться в голове, держать в голове, забивать голову* ч.-л., *не идет в голову, выбрасывать из головы* ч.-л., *вылетать из головы*); эмоциональное состояние человека – 16 (*голова горит* у к.-л., *хоть головой об стенку бейся, бросаться в голову, вешать голову, давать голову на отсечение, кровь бросилась в голову, мылить голову* к.-л., *посыпать голову пеплом, терять голову, хвататься за голову*); индивидуально-типологические особенности личности – 12 (*бедовая голова, ветренная голова, голова садовая, светлая голова, голова варит* у к.-л., *без царя в голове, голова на плечах* у к.-л., *о двух головах, ветер в голове* у к.-л., *сам себе голова*); физи-

ческие состояния человека – 11 (*голова идет кругом* у к.-л., *бросаться в голову, на свежую голову, класть голову, снять голову* с к.-л.).

В крымскотатарском языке выделены следующие фразеологические поля: эмоциональное состояние человека – 45 единиц, в том числе выражающих отрицательные эмоции – 35 (*башыны агъыртмакъ* ‘докучать, надоедать к.-л.’, *башыны атешке якъмакъ* ‘испытывать страдания’, *баш белясы* ‘неприятности, страдания’, *башкъа беля ачмакъ* ‘испытывать затруднения, страдания’, *башыны таштан ташкъа урмакъ* ‘испытывать сильное сожаление, каяться’, *башыны ашамакъ* ‘погубить к.-л.’, *баштан чыкъармакъ* ‘сбивать с толку, совращать к.-л.’, *башына дерт ачмакъ* ‘попадать в беду, страдать’, *башы кызмакъ* ‘раздражаться, сердиться’, *башы шимек* ‘испытывать раздражение’), положительные эмоции – 10 (*башындан атмакъ* ‘испытывать облегчение’, *башы кокке тиймек* ‘очень радоваться’, *башына кунь догъды* ‘к.-л. повезло’); познавательные процессы, в том числе мышление – 8 (*башы ерине кельмек* ‘опомниться, обретать ясность ума’, *башына кьоймакъ* ‘вбивать в голову, учить ч.-л.’), память – 2 (*башындан атмакъ* ‘забывать’, *башта тутмакъ* ‘помнить’); физические состояния лица или предмета (*эсли-башлы* ‘пожилой’, *баш бермек* ‘созревать’, *баш багъламакъ* ‘колоситься’); индивидуально-типологические свойства человека – 3 единицы (*башы еринде* ‘умный, способный’, *башы ачыкъ* ‘бесстыдный, непристойный’, *дели баш* ‘отчаянный’).

Обращает на себя внимание, что в русском языке, по сравнению с крымскотатарским, преобладают фразеологизмы, характеризующие познавательные процессы, в то время как в крымскотатарском на первом месте по количеству стоят фраземы, связанные с характеристикой эмоциональной деятельности человека. Последнее как бы не согласуется с прогнозируемым направлением семантической деривации лексемы *голова*: часть тела → ум, рассудок. Однако с позиций современной нейрологии отношение “голова → психическое состояние” отражает объективную картину взаимосвязей высших психических функций человека. Содержательную интерпретацию приведенного выше факта, тем более с выходом в этнолингвистику и этнопсихологию, дать на таком ограниченном языковом материале затруднительно. Заманчиво было бы предположить, что это каким-то образом, опосредованно связано с национальными чертами характера носителей языков, например, со склонностью русских (шире – славян) к рациональной оценке и осмыслению мира, в противоположность татарам (шире – туркам), которым свойственна прежде всего эмоционально-оценочная интерпретация явлений. Однако это пока из области фантазий на тему. Доказательные выводы могут быть сделаны лишь в результате анализа значительного по объему языкового материала, в том числе и лексического.

2. Соотношение универсального и специфического. Фразеологические универсалии связаны с общими для всех людей психофизиологическими особенностями: одинаковым строением и функционированием человеческого организма; одинаковыми или соотносительными (за редким исключением) жестами, мимикой, телодвижениями и их универсальной интерпретацией и символизацией в разных культурах; одинаковыми физиологическими механизмами эмоциональной и когнитивной деятельности человека и др. В обоих языках обнаружены фраземы, одинаковые по содержанию, в том числе и по внутренней форме, и соотносительные по внешней форме (с учетом специфики грамматического строя обоих языков): *голова распухла* у к.-л. – *башы шишти*, *ударить в голову* (о вине) – *башына урмакъ*, *сложить голову* – *башыны кьоймакъ*, *поднять голову* – *башыны кьалдырмакъ*, *терять голову* – *башыны джоймакъ*, *с головы до ног* – *баштан аягъа къадар*, *спасать голову* – *баш кьуртармакъ*, *кивать головой* – *баш салламакъ*, *головная боль* – *баш агърысы*, *выкинуть из головы* – *башындан атмакъ*, *бить головой* (челом) – *баш урмакъ* и др.

Специфическое как этнокультурный компонент в содержании фразеологических единиц связано с особенностями быта, географических, природных условий, в которых проживали и проживают носители данных языков. Знаками специфического в составе фразем могут выступать слова, называющие этнические реалии: предметы быта, растительного и животного мира, специфические явления природы и др. В русском языке это следующие фразеологические единицы, внутренняя форма которых прозрачна и национально ориентирована: *голова еловая*, *голова соломой набита*, *хрен в голову*, *как снег на голову* и др. Внутренняя форма фраземы *очертя голову* восходит к суеверию: чтобы оградиться от нечистой силы, в древности очерчивали крутом голову. Имеет хождение и другая этимологизация данной единицы, отсылающая к православному обычаю крестить (“очерчивать”) голову перед началом каких-либо действий.

В крымскотатарском языке национально-культурный компонент обнаруживается в значениях следующих фразеологизмов: *башына кына якъмакъ* (букв. красить голову хной – от обычая красить хной волосы и руки перед мусульманскими праздниками) – ‘торжествовать’, *башы къазан олмакъ* (букв. голова превратилась в котел) – ‘голова разрывается от шума’, *башына къавакъ ели эсмек* (букв. дуть на голову тополиными, т.е. высокими, ветрами) – ‘витать в облаках’.

Этнокультурный компонент можно выявить и при сравнении одинаковых по значению фразем в разных языках. Например, значение ‘выражать отчаяние’ передается идиомами *хоть головой об стенку бейся* и *башыны таштан ташкъа урмакъ* (букв. биться головой о камни). Можно допустить, что внутренняя форма данных единиц отражает специфику жилища у славян и кочевых тюрок; у последних, как известно, традиционное жилище строилось не из твердых материалов. Различия похоронных обычаев иллюстрируются внутренней формой устойчивых номинаций *надгробный камень* и *баш ташы* (букв. камень головы): у мусульман хоронят не в гробу, а заворачивают в саван и кладут в боковую нишу мо-

гильной ямы.

Сопоставительный анализ позволяет обнаружить и собственно языковую специфику, которая проявляется как несоответствие между формой и содержанием сравниваемых фразеологизмов. Так, при сходстве внутренней и внешней формы фраземы могут отличаться значением; ср. *приходить в голову* 'возникать в мыслях' и *башкья кельмек* 'случаться, происходить'. И наоборот, при общности значения фразеологизмы могут отличаться внутренней и внешней формой (лексическим составом); ср. *совать нос* во ч.-л. 'вмешиваться' и *башыны сокьмакь* (букв. совать голову) с тем же значением. Такие факты свидетельствуют о различном членении мира в семантическом пространстве разных языков и представляют особую трудность в практике перевода.

3. Соотношение общего фразеологического значения и значения соматизма. Фразеологическое значение мотивируется значением словосочетания-прототипа или значениями его отдельных компонентов. Лексемы *голова* – *баш* являются, как правило, смыслообразующими компонентами фразем. Соотнесение семантической структуры данных лексем как виртуальных единиц с их семантическими вариантами в составе анализируемых идиом русского и крымскотатарского языков обнаруживает, что не все их частные значения, зафиксированные в лексикографических источниках, актуализируются во фразеологических значениях.

В толковом словаре русского языка отмечено 6 значений лексемы *голова*: 1. часть тела, 2. перен. ум, рассудок, 3. руководитель, 4. председатель или руководитель некоторых выборных органов в дореволюционной России, 5. передняя часть отряда, 6. пищевой продукт в виде шара или конуса (СРЯ, т.1, с. 325). Семантический вариант 'единица счета скота' дан в словаре в качестве оттенка 1-го значения, а во 2-ом значении выделен оттенок 'о человеке большого ума'. В составе анализируемых фразеологических единиц актуализированы следующие семантические варианты лексемы *голова*: 1. часть тела (*кровь бросилась в голову* к.-л., *поднимать голову*, *хвататься за голову*, *вешать голову*); 2. ум, рассудок (*голова варит* у к.-л., *голова на плечах* у к.-л., *голова распухла* у к.-л., *не укладывается в голове*); 3. руководитель (быть *во главе* к.-л. или ч.-л.). Во фразеологических значениях актуализированы также другие значения лексемы *голова*, которые не нашли отражения в словарях: 1. отдельный человек, индивид (*с головы*, *голова бедовая*, *спасать голову*, *на свою голову*); 3. память (*забивать голову* к.-л., *из головы вон выскочило*, *вылетать из головы*, *не идет в голову*).

В крымскотатарско-русских словарях зафиксированы лишь три значения лексемы *баш*: 1. часть тела, 2. главный, 3. послелог с пространственным значением 'около, рядом' (см.: КРС-1988, с. 34; КРС-1994, с. 49). В рассматриваемых фраземах актуализированы следующие значения: 1. часть тела (*баш агьрысы*, *баш башкья*, *башыны таштан ташкья урмакь*); 2. человек, индивид (*башыны багьламакь*, *башы сагь олсун*, *башындан кьалсын*, *башыны алып кетмек*, *башыны ашамакь*, *башына дерт ачмакь*); 3. ум, рассудок (*башыны элге алмакь*, *башы ерине кельмек*, *эсини-башыны топламакь*); 4. память (*башындан атмакь*, *башта тутмакь*, *баштан чыкьармакь*), 5. конец, край (*баштан башкья*, *башкья чыкьармакь*, *о башындан бу башына кьадар*).

Указанное выше несоответствие можно объяснить недостаточной глубиной семантизации лексемы *баш* в словарях (См.: Эмирова, 1998). Составителями крымскотатарских словарей следовало бы принимать во внимание свидетельства фразеологии, а также учитывать данные лексикографии родственных языков. Так, например, в турецко-русском словаре зафиксировано 13 значений слова *baş* (ТРС-1977, с.97 и след.), в турецком толковом словаре – 14 значений (ТС-1959, с.91 и след.), 5 из которых актуализируются в содержании рассматриваемых фразеологических единиц.

4. Семантические основы фразеобразования. Основная масса фразеологических единиц в обоих языках сформирована на основе метафорического переноса: *голова соломой набита* у к.-л., *каша в голове* у к.-л., *перебирать в голове*, *с царем в голове*; *баш агьрысы*, (букв. головная боль) – 'неприятности, забота', *башкья чыкьармакь* (букв. поднять до головы) – 'завершать, доводить до конца', *баштан чыкьармакь* (букв. выводить из головы) – 'портить, сбивать с толку', *башында кунь догьды*, (букв. рассвело над головой) – 'повезло, посчастливилось'. На втором месте – метонимия: *вешать голову*, *кровь бросилась в голову* к.-л., *хоть головой об стенку бейся*; *баштан аяккья кьадар* (букв. с головы до ног) 'целиком, полностью', *башы ачыкь* (букв. с открытой головой) 'бесстыдный', *башыны салламакь* (букв. кивать головой) 'соглашаться', *башы ястыкь юзюни кормемек* (букв. голова не видит наволочки) 'не иметь ни минуты отдыха, быть в состоянии утомления'. На последнем месте – синекдоха: *дурья голова*, *шалльная голова*, *на свою голову*, *ветренная голова*; *баш башкья* (букв. голова к голове) 'наедине', *башыны алып кетмек* (букв. брать свою голову и уходить) 'убегать', *башыны кьуртармакь* (букв. спасти голову) 'спасаться', *башыны ортагья кьоймакь* (букв. класть голову посередине) 'рисковать'.

Такое же соотношение переносных значений наблюдается и в области лексики. Анализ семантической структуры отдельных лексем, элиминированных из словарей методом случайной выборки, показывает, что метафора встречается чаще, чем метонимия и синекдоха. Можно предположить, что это семантическая универсалия, обусловленная ассоциативным характером человеческого мышления. Возможно, однако, что здесь имеет место психосемантическая aberrация, которую можно объяснить большей экспрессией метафорического переноса по сравнению с метонимическим и синекдохическим (см.: Гак В.Г. 1977, с.112).

В данной работе сделаны первые шаги в направлении контрастивного анализа одной группы русской

и крымскотатарской фразеологии в семасиологическом аспекте. Предполагается исследование и других фразеологических гнезд – со стержневыми компонентами *сердце – юрек, глаз – козь, рука – эль (кьол)* и др. Добытые научные результаты предстоит проверить и дополнить в рамках ономазиологического подхода – от содержания к форме.

Думается, что результаты контрастивного анализа будут представлять интерес прежде всего для крымскотатарского языкознания, объект которого – крымскотатарский язык – остро нуждается сегодня во всестороннем изучении и осмыслении. Сопоставление таких разных в генетическом и типологическом отношениях языков, как русский и крымскотатарский, представляет несомненный интерес и для лингвистической типологии, а также для таких смежных дисциплин, как этнолингвистика и этнопсихология. Результаты анализа могут быть использованы в практике преподавания русского и крымскотатарского языков, в теории и практике лексикографии и фразеологии, а также в переводческой деятельности.

Литература

1. Акмоллаев Э. Практикум по крымскотатарскому языку. Синтаксис. –Ташкент: Уқитувчи, 1989. – 160 с. (на крымскотатарском языке).
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
3. Изидинова С.Р. Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка в ареальном освещении /Автореф.....канд. филол. наук. – М., 1982. – 21с.
4. Ислямов А.И. Татар тилининь синтаксиси. – Симферополь, 1940.
5. Крымский А.Е. Тюрки та їх мови. – 1.Тюркські мови. – Вип.ІІ. – Київ, 1930. – С. 147-151.
6. Къуртмоллаев Э.М. Татар тилининь грамматикасы. – Симферополь, 1940.
7. Меметов А.М. Источники формирования лексики крымскотатарского языка. – Ташкент: Фан, 1988. – 112 с.
8. Самойлович А.Н. Опыт краткой крымскотатарской грамматики. – Пг., 1916. – 104 с.
9. Чобан-заде Б.В. Крымскотатарская научная грамматика. – Акъмесджит: Кърымдевнешр, 1925. – 187 с. (араб. шрифт).
10. Штернеманн Р. и др. Введение в контрастивную лингвистику // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. – М.: Прогресс, 1989. – С. 144-178.
11. Эмирова А.М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии. - Самарканд, 1972. – 96 с.
12. Эмирова А.М. Фразеология сферы интеллектуальной деятельности //Вопросы русской и славянской фразеологии. – XIII. – Самарканд, 1978. – С.55-70.
13. Эмирова А.М. К вопросу о номинативной сущности фразеологических предикатов // Ж. Вопросы языкознания. – М., 1984. – №6. – С.114-118.
14. Эмирова А.М. Типология фразеологических предикатов // Исследования по семантике. – Уфа, 1986. – С.110-115.
15. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Фан. 1988. – 92 с.
16. Эмирова А. М. Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития // Ж. Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3. – С.293-296.
17. Словари
18. КРС-1988: Асанов Ш.А., Гаркавец А.Н.,Усеинов С.М. Крымскотатарско-русский словарь. – Киев: Радянська школа, 1988. – 240 с.
19. КРС-1994: Усеинов С.М. Крымскотатарско-русский словарь. – Тернополь: Диалог, 1994.- 395 с.
20. СРЯ.: Словарь русского языка: В 4 томах. – Т.1. – М.: Русский язык, 1991. – 696 с.
21. ТРС-1977: Турецко-русский словарь /Под ред. Э. М.-Э. Мустафаева и А.Н.Старостова. – М.: Русский язык, 1977. – 966 с.
22. TS -1959: Türkçe sözlük. – Ankara: Yeni Matbaa, 1959. – 859 s.